

Андрей Колосов — эпизод 3 из 12

Между тем в нем не было ни той таинственности, которую щеголяют юноши, одаренные самолюбием, бледностью, черными волосами и выразительным взглядом, ни того поддельного равнодушия, под которым будто бы скрываются громадные силы; нет: он весь был, как говорится, нараспашку; но когда им овладевала страсть, во всем существе его внезапно проявлялась порывистая, стремительная деятельность; только он не тратил своей силы по-пустому и никогда, ни в каком случае не становился на ходули. Кстати, господа... скажите правду: не случилось ли вам сидеть и курить трубку с таким уныло-величественным видом, как будто вы только что решились на великий подвиг, а вы просто размышляете о том, какого цвета сшить себе панталоны?.. Но дело в том, что я первый заметил в веселом и ласковом Колосове эти невольные, страстные порывы. Недаром говорят, что любовь проницательна. Я решился во что бы то ли стало втереться в его доверенность. Мне не для чего было волочиться за Колосовым; я так детски благоговел перед ним, что он не мог сомневаться в моей преданности... но, к неописанной моей досаде, я должен был, наконец, убедиться, что Колосов избегал более тесного сближения со мною, что он как будто тяготился моей непрощенной привязанностью. Раз как-то он с явным неудовольствием попросил у меня денег взаймы и на другой день с насмешливой благодарностью возвратил мне их снова. В течение целой зимы мои отношения к Колосову не изменились ни на волос; я часто сравнивал себя с Гавриловым и не мог понять, чем он лучше меня... Но вдруг всё переменялось. В половине апреля Гаврилов захворал и умер на руках Колосова, который не отлучался ни на миг из его комнаты и целую неделю после его смерти не выходил никуда. Все мы сожалели о бедном Гаврилове; этот бледный, молчаливый человек как будто предчувствовал свою кончину. Я тоже искренно сожалел о нем, но сердце во мне замирало, ждало чего-то...

В один незабвенный вечер... я лежал один на диване и бессмысленно глядел в потолок... кто-то быстро растворил дверь моей комнаты и остановился на пороге; я приподнял голову: передо мной стоял Колосов. Он медленно вошел и сел подле меня. Я пришел к тебе, начал он довольно глухим голосом, потому что ты более всех других меня любишь... Я потерял своего лучшего друга, голос его слегка задрожал, и чувствую себя одиноким... Вы все не знали Гаврилова... вы не знали... Он встал, походил по комнате и быстро подошел ко мне... Хочешь ли ты заменить мне его? сказал он и подал мне руку. Я вскочил и бросился к нему на грудь. Моя искренняя радость его тронула... Я не знал,

что сказать, я задыхался... Колосов глядел на меня и тихонько посмеивался. Подали чай. За чаем он разговорился о Гаврилове; я узнал, что этот робкий и кроткий мальчик спас Колосову жизнь и я должен был самому себе признаться, что на месте Гаврилова я бы не мог не проболтаться не похвастаться своим счастьем. Пробыло восемь часов. Колосов встал, подошел к окну, побарабанил по стеклам, быстро повернулся ко мне, хотел что-то сказать... и молча сел на стул. Я взял его за руку Колосов! право, право, я заслуживаю твою доверенность! Он взглянул мне прямо в глаза. Ну, если так, промолвил он, наконец, бери шапку, пойдем. Куда? Гаврилов меня не спрашивал. Я тотчас же замолчал. Ты умеешь играть в карты? Умею.

Мы вышли, взяли извозчика к ...ой заставе. У заставы мы слезли. Колосов пошел вперед очень скоро; я за ним. Мы шли по большой дороге. Пройдя с версту, Колосов свернул в сторону. Между тем настала ночь. Направо в тумане мелькали огни, высились бесчисленные церкви громадного города; налево, подле леса, паслись на лугу две белые лошади; перед нами тянулись поля, покрытые сероватыми парами. Я шел молча за Колосовым. Он вдруг остановился, протянул руку вперед и промолвил: Вот куда мы идем. Я увидел темный небольшой домик; два окошка слабо светились в тумане, В этом доме, продолжал Колосов, живет некто Сидоренко, отставной поручик, с своей сестрой, старой девой и дочерью. Я тебя выдам за своего родственника ты сядешь с ним играть в карты. Я молча кивнул головой.